«ОГРОМНОЙ СТРАНОЙ С РАЗНООБРАЗНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ НЕВОЗМОЖНО УПРАВЛЯТЬ ИЗ ОДНОГО ЦЕНТРА»

ПРОФЕССОР, ДОКТОР НАУК НИКОЛАЙ ВАХТИН — ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, ОН СТАНОВИЛСЯ ЕГО РЕКТОРОМ ДВАЖДЫ. И КАЖДЫЙ РАЗ НА ЭТОМ ПОСТУ ЕМУ ПРИХОДИЛОСЬ ОТБИВАТЬ АТАКИ НА ВУЗ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА. ОН ПРИЗНАН ПОБЕДИТЕЛЕМ В НОМИНАЦИИ «СЛОВО С ТВЕРДЫМ ЗНАКОМ» ПРЕМИИ «ТВЕРДЫЕ ЗНАКИ» ГАЗЕТЫ „Ъ“. В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ GUIDE МАРИИ КАРПЕНКО ОН РАССКАЗАЛ, КАК ПОРАЖЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА В БОРЬБЕ С РОСОБРНАДЗОРОМ НА САМОМ ДЕЛЕ ОКАЗАЛОСЬ ПОБЕДОЙ.

G: Более полугода назад вы объявили сотрудникам и студентам, что университет начинает работать по «запасному плану»: отказывается от преподавания. С тех пор как стало понятно, что университет на какое-то время останется без образовательной лицензии, вы успели перестроить его работу? Как это произошло — образовательные курсы переделали в научно-просветительские?

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Нет, что вы: никакого жульничества. Университет давно занимается серьезными научными исследованиями независимо от преподавания. Он тем и силен, что в нем преподавали активно работающие ученые, которые находятся на переднем крае исследований. Сейчас наши профессора у нас не имеют возможности преподавать, зато имеют право преподавать в других вузах. Я подписал за последнее время столько командировок, сколько ни один ректор за десять лет не подписывал. Все как с цепи сорвались: конференции, выступления с лекциями, презентации книг. Не говоря уже о проектах, которые идут в стенах этого университета. Другая наша возможность — это просветительская деятельность. Еще в сентябре мы начали «Научный осенний марафон» с ежедневными публичными лекциями, ему на смену пришел проект «Среда просвещения» с лекциями раз в две недели. Мы читаем лекции в Новой Голландии. Очень успешно идут барные лекции: в баре Black Books по пятницам наши профессора читают двадцатиминутные лекции на самые разные темы, народу сбегается по полусотне. И юмор в том, что хозяйка бара напротив пришла к нам со словами: «А может, у нас будете читать по субботам?» Если так пойдет дальше, то все бары Петербурга станут нашими лекционными площадками. Недавно в Ленинской библиотеке в Москве открылась программа публичных лекций, первую лекцию читал Михаил Пиотровский. Зал на четыреста человек, пришло семьсот: сломали турникеты, выбили двери. Получается, что лишение нас лицензии, запрет нам преподавать резко активизировал нашу видимость, заметность и активность в российском пространстве. Как обычно, все «по Черномырдину»: хотели как хуже, а получилось наоборот.

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

G: Когда университет стал заниматься в большей степени популяризаторской деятельностью, пришлось ли ограничить перечень тем, на которые выступают ваши профессора?

Н. В.: Никто никого не ограничивал — наши профессора свободные люди и имеют право говорить, что думают. Стараемся не дразнить, конечно, лишний раз. А иначе не может быть: это одна из тех вещей, на которых я все время настаиваю. Да, мы отстаиваем университет и хотим вернуть себе лицензию. Да, мы готовы кое-чем для этого пожертвовать, готовы на компромиссы. Но существует граница, за которую мы, если перейдем, то окажется, что тот Европейский университет, который мы спасли, уже никому не нужен, потому что, спасая его, мы с водой выплеснули ребенка. Дело же не в том, что мы либеральная какая-то школа — нет: у нас работают люди очень разных убеждений. Наша сила — в том, что мы учим молодых людей думать самостоятельно. Боюсь, в этом и есть причина наших проблем: такой подход противоречит общей тенденции. Если это так, то просто беда.

G: А не кажется ли вам, что все произошедшее с университетом на самом деле — во благо? Вы часто говорите, что вузы в современной России вынуждены катиться по бюрократическим рельсам, что мешает их развитию. А государство, лишив Европейский университет лицензии, вытолкнуло его с этих рельсов и подтолкнуло к новому, неподконтрольному бюрократам пути развития — ведь нельзя же запретить, скажем, лекции в барах.

Н. В.: У меня советский опыт, и я знаю, что запретить можно все что угодно. Власть, которая не имеет никакого контроля над собой — ни со стороны журналистов, ни со стороны судов, ни со стороны других своих ветвей,— в принципе может делать все что угодно. Да, пока что Роснаукнадзор не придумали, но, может, и придумают, и чиновники будут учить нас, чем нам заниматься в науке.

Сейчас мы придумали довольно любопытную идею, которая, будем надеяться, окажется востребованной не только в нашем университете. Мы объявили конкурс для молодых ребят, имеющих степень магистра или специалиста, для участия в научных проектах наших центров или отдельных профессоров. Объявили конкурс по тридцати разным исследовательским позициям. От проекта профессора Альберта Байбурина под названием «Советские ритуалы», который зовет молодых ребят прийти исследовать с ним вместе эту тему, до проекта Бориса Колоницкого «Память о юбилее» — о том, как праздновались двухсотлетия, трехсотлетия, кто этим пользовался, что забывали, что замалчивали, что выпячивали…

Там есть и проект нашего Центра социальных исследований Арктики — «Люди и инфраструктура Крайнего Севера». Тридцать разных тем по самым разным направлениям — и двести девяносто пять заявлений. Огромный интерес. У нас сложная система отбора, мы возьмем только тридцать пять человек — то есть конкурс десять человек на место. Дальше эти ребята приходят к нам, мы берем их на работу специалистами-исследователями на десять месяцев и смотрим, есть ли взаимный интерес. Если человек оказывается наш, мы продлеваем контракт на три года. Ну а дальше — как обычно: из проекта вырезается собственная тема, она начинает разрабатываться, и потом он сам придумывает — сделать ли из этого диссертацию или написать статью или книгу. Интересно же! То, что нас лишили рутины, заставило нас думать.

G: Если университет не сумеет вернуться к преподаванию в ближайшее время, на что он будет жить?

Н. В.: Серьезный вопрос. Исследовательским институтам, особенно таким, как наш — частным, гораздо труднее поднимать деньги, чем образовательным учреждениям. Когда какой-то бизнесмен дает деньги на обучение студентов, он как бы дает деньги себе молодому — такая сублимация. Когда же просят деньги на научные исследования… К сожалению, не только в нашей стране, но и в мире это понятие сильно дискредитировано, особенно в области социальных наук, которые в значительной степени развивались и продолжают развиваться по принципу «чего изволите». Не так давно мы получили заказ на прикладное исследование, а вместе с заказом — тезисы того, что мы должны получить в результате. Если так, то я понимаю, почему на частные исследования не дают денег: это притворство с обеих сторон. Был более удачный случай: исследование наших специалистов по заказу «Норникеля», компанию интересовали настроения молодежи в городах их присутствия. Три команды наших социологов и антропологов поехали, сделали исследование, представили отчет. Менеджеры «Норникеля» посмотрели, и их изумлению не было предела: «Вы что, всерьез?» Они поняли неожиданно для себя, что им принесли настоящий результат. Пройдет некоторое время, прежде чем бизнес поймет, что так можно работать. Возможно, нас ждут «тощие» годы.

G: Рассказывая, как появился Европейский университет, вы говорили, что исходили из принципа, что реформировать старый университет сложнее, чем создать новый. Значит, вы отталкивались от минусов существовавших университетов? Чего именно хотели не допустить в ЕУ?

Н. В.: Мы отталкивались от минусов системы высшего образования, которые были созданы десятилетиями советского идеологического давления. Наш университет специализируется на социальных и гуманитарных науках, и не случайных, а тех, которых либо вовсе не было в советской системе высшего образования, либо они были такими, что лучше бы их не было. Невозможно реформировать кафедру научного коммунизма и сделать из нее кафедру политологии. Это была одна из причин, почему мы строить университет начали с аспирантуры, а не с первого курса: у нас не было преподавателей. В начале 1990-х мы сумели найти два десятка специалистов, которые могли читать курсы по социальным наукам на требуемом уровне, но они не пошли бы на полную нагрузку. А когда мы предложили каждому подготовить двух-трех аспирантов, сказав: «Читайте что хотите и как хотите», они клюнули. Прошло десять лет — у нас появилась возможность открыть магистратуру. А через год-два мы были бы готовы открывать бакалавриат — мы уже начали разрабатывать программы бакалавриата. Мы все же надеемся, что это безобразие с лицензией закончится, и нам вернется право преподавания в той или иной форме. ■

Полную версию интервью читайте на spb.kommersant.ru